

СКОРЛУПА ЗЕМЛИ

роман

СЕРГЕЙ ГАЛАКТИОНОВ

Сергей Галактионов

Скорлупа земли

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Скорлупа земли / С. В. Галактионов — «Автор», 2026

Земля оказалась не планетой, а яйцом. В её ядре созревает существо космического масштаба, и до его рождения остаются считанные годы. Пока человечество спорит, можно ли убить нерождённый мир ради собственного выживания, к Солнечной системе прибывает древний Хранитель, решивший взять рождение под контроль. Но существо внутри Земли уже проснулось. И оно не хочет родиться в одиночестве.

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Галактионов

Скорлупа земли

Мы думали, что живём на земле.

Оказалось – на чём-то ещё не открывшемся глазу.

Глава 1

Нора Келлерман проснулась за несколько секунд до толчка.

Она не открыла глаза сразу. Просто лежала, зная, что он придёт.

На станции всегда что-то дрожало: насосы, термоконтуры, воздух в стенах, собственная кровь в висках. Люди, выросшие на поверхности, быстро учились спать сквозь механический шум. Но это было другое. Не вибрация металла. Не работа машин.

Глубина.

Толчок прошёл через породу мягко, как далёкий удар сердца, и только потом добрался до опор жилого модуля. Койка едва заметно качнулась. Над головой тонко звякнуло крепление лампы.

Нора открыла глаза.

Тьма в каюте была не полной: на потолке мигал зелёный сервисный диод, у двери тлела красная полоска аварийного питания. 04:17 по внутреннему времени комплекса «Тэтчер-9». До начала смены ещё сорок минут.

Она смотрела в потолок и считала.

Один.

Два.

Три.

На четырнадцатой секунде где-то справа, за переборкой, сработал компенсационный контур. Воздух в вентиляции на мгновение изменил тон. На двадцать первой запищал локальный монитор напряжения. На тридцать второй пришло первое системное сообщение на браслет.

Сейсмическое событие. Сектор D-4. Класс ниже порога тревоги.

Нора не шевельнулась.

– Конечно ниже порога, – сказала она в темноту.

Голос прозвучал хрипло. Вчера она уснула прямо в одежде, не дойдя до душа. Экран планшета лежал рядом лицом вниз, на полу валялись распечатки с фазовыми картами ядра, все в её пометках – стрелки, дробь, злые кружки вокруг цифр, которые отказывались вести себя как цифры.

На столе стояла кружка с давно остывшим кофе. Запах был горький, металлический.

Толчок был маленьким. Настолько маленьким, что автоматика не подняла бы никого, кроме дежурной смены. Но Нора знала его форму. Такие она чувствовала иногда ещё до приборов – за секунды, за полминуты, однажды за целую минуту. Не как звук и не как боль. Скорее как изменение веса мира. Будто сама глубина чуть разворачивалась во сне.

Она села на койке и прижала ладони к лицу.

Сегодня.

Мысль пришла без слов, просто как знание.

Сегодня данные либо сойдутся, либо ей придётся признать, что последние восемь месяцев она строила карьерное самоубийство на статистическом мигающем мусоре.

Браслет снова завибрировал. На этот раз личный вызов.

J. FREEMAN

Нора провела пальцем по экрану.

– Если ты звонишь, чтобы сказать «я же говорила», я отключусь.

Несколько секунд в канале было только дыхание, потом голос Джейды Фриман, слишком бодрый для четырёх утра:

– Доброе утро и тебе, солнышко. Ты почувствовала?

Нора встала. Пол под босыми ногами был холодный.

– Да.

– До сигнала?

Нора посмотрела на мигающую полосу аварийного света.

– Да.

– На сколько?

– Двадцать секунд. Может, двадцать пять.

На другом конце повисла пауза. Когда Джейда заговорила снова, её тон изменился – стал ниже, собраннее.

– У нас есть ещё один.

Нора застыла.

– Что значит «ещё один»?

– Это третий за ночь. Тот же профиль. Северная дуга, потом смещение к мантии, потом затухание в районе внешнего ядра.

Нора наклонилась, подняла планшет, ткнула в экран. Тот ожил тусклым светом. На нём всё ещё была открыта вчерашняя модель: шаровая карта Земли, размеченная цветными слоями, словно анатомический разрез какого-то огромного органа.

– Ты уже в лаборатории?

– Я вообще не ложилась, – сказала Джейда. – И тебе советую перестать притворяться, что ты ещё спала. Нора... оно снова ответило.

Нора ничего не сказала.

За стеной кто-то прошёл по коридору, тяжело, сонно. Щёлкнул замок. Донёсся кашель. Обычная жизнь под землёй продолжала идти своим чередом, и от этого хотелось злиться. Мир не имел права быть таким нормальным в момент, когда его внутренности начинали разговаривать.

– Подожди меня, – сказала она.

– Я бы с радостью, но у тебя девять минут до того, как Коул получит ту же сводку.

Нора замерла уже у шкафа.

– С чего ты взяла, что она уйдёт к Коулу?

– С того, что он поставил на наши каналы зеркала три недели назад, – ответила Джейда. – И с того, что я не такая параноичка, как ты, а надо было бы.

Нора прикрыла глаза.

Маркус Коул. Программа планетарной безопасности. Люди в серых формах без эмблем, которые последние месяцы слишком часто появлялись в «Тэтчере-9» с вежливыми лицами и вопросами, не соответствующими их должностям. Они называли это аудитом рисков. Нора называла это тем, чем оно было: наблюдением.

– Ничего никому не отправляй, – сказала она.

– Уже поздно. Лог автоматически синхронизировался.

– Тогда ничего не комментируй.

– Нора...

– Джейда.

Снова пауза.

– Ладно, – сказала Джейда. – Но поторопись.

Связь оборвалась.

Нора оделась за две минуты: тёмные рабочие брюки, термокофта, куртка с полустёртым логотипом Геодинамического института. Волосы собрала резинкой, не посмотрев в зеркало. На автомате надела часы отца – тяжёлые, старые, давно не идущие. Только застёгивая ремешок, как всегда почувствовала короткий укол раздражения: зачем? Они не показывали времени уже двадцать три года.

Потому что он носил их под землёй, подумала она. И я ношу.

Коридоры жилого сектора были почти пусты. Белые панели стен, серый пол, тусклые полосы ночного режима. В глубине станции всегда пахло одинаково: сухой пылью, переработанным воздухом, горячим пластиком и едва уловимым минералом, которого не было наверху. Если прожить под землёй достаточно долго, начинаешь различать породу по запаху, говорила когда-то её мать. Нора не знала, правда ли это, но за годы на глубинных станциях научилась многому, чего лучше бы не уметь.

Лифт поднял её на три уровня в исследовательский блок. Пока кабина шла, Нора смотрела на свою бледную физиономию в отражении двери. В свете аварийных ламп глаза казались почти чёрными.

Ты устала, сказала бы мать. Ты опять делаешь это лицо, как перед похоронами.

Мысль о матери пришла не вовремя и болезненно. Бетти Келлерман жила теперь в Аризонском надземном куполе, где всё было стерильно, светло и сухо, и каждый их разговор заканчивался одной и той же фразой:

Когда ты в последний раз была на поверхности, Нора?

Нора обычно отвечала:

Недавно.

Это была ложь.

Двери лифта раскрылись.

Лаборатория магнитонейродинамики стояла на краю исследовательского сектора, за двумя шлюзовыми рамками и стеклянным переходом, из которого было видно шахтный ствол – не дно, конечно, только уходящую вниз черноту, прорезанную огнями сервисных платформ. Иногда Норе казалось, что именно туда она всю жизнь и смотрит: в огромный тёмный колодец, из которого однажды кто-то должен посмотреть в ответ.

Джейда ждала её у центральной консоли, босая, в мятой майке поверх термобелья, с кружкой чего-то дымящегося в руке. Волосы были собраны в высокий беспорядочный пучок. Под глазами – тени. На лице – выражение, которое Нора ненавидела больше всего: смесь восторга и страха.

– Ты выглядишь ужасно, – сказала Джейда.

– Спасибо.

– Это не оскорбление. Это диагноз.

Нора подошла к консоли.

На главном экране вращалась модель планеты, слои были подсвечены в ложных цветах: кора – серо-голубая, мантия – янтарная, внешнее ядро – мерцающее оранжевое кольцо, внутреннее – плотная белая сфера. По ней ползли линии недавних сейсмических событий.

Нора сразу увидела, что не так.

– Нет, – сказала она.

– Да.

– Это наложение?

– Я перепроверила трижды.

– Невозможно.

– Знаю.

Три события. Малых, почти незначительных, разбросанных по планете настолько далеко друг от друга, что ни один стандартный геодинамический процесс не связал бы их в одну

систему. И всё же форма волны, время затухания и, главное, то, как отражения уходили вглубь, совпадали почти идеально.

Словно что-то в недрах Земли послало импульс не в одном месте, а сразу через несколько разных анатомических точек.

Нора приблизила модель, подняла второй слой, затем третий. Пальцы двигались быстро, привычно. На боковом экране посыпались числа.

– Темп? – спросила она.

– Ускоряется.

– Насколько?

– На шесть целых четыре десятых процента за последние одиннадцать дней.

Нора молча считала.

– Это не может быть климатический отклик, – сказала она.

– Нет.

– И не перераспределение нагрузки литосферы.

– Нет.

– И не артефакт оборудования.

– Если это артефакт, – Джейда отпила из кружки, – то артефакт научился быть последовательнее, чем половина наших коллег.

Нора не улыбнулась. Она вывела исторический слой за последние восемь месяцев. Тонкие нити событий растянулись по сфере, сначала редкие, почти бессмысленные, затем всё более плотные. Некоторые из них складывались в повторяющийся ритм.

Почти как пульс.

Нет, подумала она. Не пульс.

Попытка.

– Покажи магнитный отклик.

Джейда коснулась панели. Поверх геологических слоёв выросла прозрачная сеть магнитных линий. В районе полюсов они дрожали, как струны под ветром.

Нора почувствовала, как у неё холодеет затылок.

– Ты это видишь? – тихо спросила Джейда.

Нора видела.

После каждого из трёх глубинных событий магнитосфера реагировала с задержкой в девять и одну десятую секунды. Не глобально. Узко. Как локальный ответ нервной ткани на раздражение.

Так не вело себя магнитное поле планеты.

Так вообще ничто не должно было вести себя, если мир оставался миром, а не тем, что последние месяцы Нора боялась даже формулировать вслух.

– У нас есть запись? – спросила она.

– Аудиопреобразование?

Нора кивнула.

Джейда смотрела на неё секунду слишком долго.

– Тебе не понравится.

– Включай.

Лаборатория на мгновение наполнилась только шумом систем охлаждения. Потом из динамиков пошёл звук.

Низкий. Почти ниже границы слуха. Не мелодия, не речь, не последовательность сигналов. Скорее длинный гул, в котором медленно возникало внутреннее биение. Он был неровным, как если бы что-то огромное и неуклюжее пыталось повторить найденный ритм.

У Норы сжались зубы.

Она не любила преобразования данных в звук. Большая часть таких методов была маркетинговой чепухой для грантовых презентаций. Но иногда – редко, слишком редко – мозг слышал паттерн раньше, чем математика успевала его назвать.

Это было именно таким случаем.

Гул прошёл сквозь неё, как далёкий поезд под водой. Не звук даже, а ощущение веса, который менял направление. На секунду Норе показалось, что пол под ногами мягко поддался.

Она резко выключила запись.

– Опять до приборов? – спросила Джейда.

Нора не ответила.

– Нора.

– Да.

– На сколько?

– На этот раз... – Она сглотнула. – На минуту. Может, чуть больше.

Джейда поставила кружку. Медленно. Очень аккуратно.

– Это уже нельзя списать на интуицию.

– Я и не списываю.

– Тогда на что?

Нора смотрела на вращающуюся модель Земли. На белую сферу внутреннего ядра. На янтарную мантию. На тончайшую холодную кору, по которой ползала их цивилизация – города, кабели, сети, самолёты, кладбища, детские площадки, больницы, могилы, кухни, голоса, вся человеческая история на хрупкой скорлупе.

И под этим – что-то ещё.

Оно казалось абсурдом. Оно было научно неприличным, карьерно самоубийственным, логически отвратительным. И всё же каждое новое число упрямо подталкивало их к одному и тому же выводу, который нельзя было произносить без кавычек, а теперь, возможно, уже и с ними нельзя.

Нора поняла, что сказала это вслух, только когда Джейда вздрогнула.

– На то, – произнесла Нора, – что оно учится.

В лаборатории повисла тишина.

Где-то далеко, на много километров выше, шёл обычный земной рассвет. Солнце касалось облаков над Атлантикой. В городах включались утренние сводки. Кто-то варил кофе. Кто-то ругался в пробке. Кто-то целовал ребёнка перед школой. Целая планета жила в уверенности, что под её ногами – минеральная масса, подчиняющаяся законам, которые можно измерить и пережить.

Нора смотрела на экран и думала о том, насколько хрупка эта уверенность.

На боковом терминале вспыхнуло новое окно.

ДИРЕКТОР МАРКУС КОУЛПРИОРИТЕТНЫЙ ВЫЗОВ ПРОГРАММА ПЛАНЕТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Джейда тихо выругалась.

Нора не шелохнулась.

На экране Земля продолжала медленно вращаться, равнодушная и живая, словно не замечала ни вызова, ни двух женщин в глубинной лаборатории, ни того факта, что впервые за всю историю кто-то на её поверхности начал догадываться правду.

Вызов мигал.

Нора нажала принять.

Экран потемнел, потом на нём появилось лицо Маркуса Коула – узкое, усталое, слишком спокойное.

– Доктор Келлерман, – сказал он. – Полагаю, вы уже видели ночные события.

– Видела.

– Хорошо. Тогда не будем терять время. Спускайтесь на уровень С.

Нора почувствовала, как внутри всё холодеет.

Уровень С не значился ни на одной официальной схеме «Тэтчера-9».

– Зачем? – спросила она.

Коул посмотрел на неё так, будто устал от этой части разговора ещё до его начала.

– Потому что, доктор Келлерман, – сказал он, – если ваши расчёты верны, то у нас с вами есть проблема значительно хуже, чем нарушение протокола доступа.

Он чуть наклонился к камере.

– И потому что семнадцать лет назад мы уже видели, что происходит, когда такая планета просыпается слишком рано.

Связь оборвалась.

Джейда смотрела на Нору широко раскрытыми глазами.

– Что значит – уже видели?

Нора не ответила.

Её взгляд упал на собственное отражение в чёрном экране. Бледное лицо. Тёмные глаза. Женщина, которая всю жизнь спускалась под землю, чтобы понять, что отняло у неё отца.

И, возможно, только что получила приглашение познакомиться с этим лично.

Она медленно вдохнула.

– Это значит, – сказала Нора, – что кто-то врёт нам гораздо дольше, чем я думала.

И где-то глубоко внизу, за бетонными кожухами станции, за километрами раскалённой породы и давлением, которое ломало металл, Земля едва заметно шевельнулась снова.

Глава 2

Лифт на уровень С не имел кнопки.

Нора поняла это сразу, как только вышла из лаборатории и свернула к служебному ядру станции, куда обычный персонал почти не заходил. Коридоры здесь были уже, свет холоднее, а воздух – суше, словно даже система жизнеобеспечения предпочитала не задерживаться в этой части комплекса. На дверях не было привычных цветных меток отделов. Только серые таблички с номерами секций и незаметные камеры в углах.

У лифтового узла её уже ждали.

Двое в форме Программы планетарной безопасности. Не броня, не оружие напоказ – просто серые комбинезоны без опознавательных знаков, слишком чистые для глубинной станции. Один мужчина, одна женщина. Лица такие, какие часто бывают у людей, обученных не загромождать собой пространство и при этом полностью его контролировать.

– Доктор Келлерман, – сказала женщина. – Пожалуйста.

Не приказ. И именно поэтому приказ.

Нора остановилась перед створками лифта.

– Внутри моего контракта нет допуска на неразмеченные уровни.

– Сегодня есть, – ответил мужчина.

– По чьему распоряжению?

– Директора Коула.

– Я не работаю на директора Коула.

Женщина едва заметно улыбнулась – не издевательски, а с усталой вежливостью человека, которому подобные фразы приходится слышать часто.

– Пока нет, доктор.

Створки раскрылись.

Кабина была больше обычной и почти пустой. Никакой панели вызова, только узкий терминал идентификации. Нора шагнула внутрь, потому что не видела смысла устраивать сцену в коридоре, где всё равно уже, вероятно, записывалось с пяти углов. За ней вошли оба сопровождающих.

Двери закрылись.

Лифт не тронулся.

Мужчина протянул Норе тонкий чёрный обруч размером с браслет.

– На запястье.

– Что это?

– Локальный глушитель беспроводной передачи и биометрический маркер маршрута. Стандартная процедура.

– То есть ошейник, только для руки.

– Если вам так проще, – сказал он.

Нора смотрела на обруч секунду дольше, чем требовалось, потом застегнула его. Металл оказался неожиданно тёплым.

УРОВЕНЬ СТерминал вспыхнул. ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЁН Кабина пошла вниз.

Сначала Нора почувствовала это только по изменению веса. Потом в ушах щёлкнуло. Скорость была выше, чем у обычных внутристанционных лифтов. Значит, уровень С располагался значительно ниже официального дна «Тэтчера-9».

Она не смотрела на сопровождающих. Смотрела на своё отражение в матовом металле двери. И думала о том, сколько ещё уровней может скрываться под картами, на которых она работала последние два года.

– Насколько глубоко? – спросила она.

- Достаточно, – ответила женщина.
- Это не число.
- Это ответ.

Лифт продолжал падать.

Нора попыталась оценить время. Двадцать секунд. Тридцать. Сорок. Если кабина шла под таким углом и с такой скоростью, то они уже прошли ниже исследовательского пояса, ниже старых буровых шахт, ниже обслуживающих камер, возможно, почти к границе участков, где станцию начинали окружать не укрепленные породы, а уже термостабилизированные оболочки.

Её ладони стали холодными.

И не только из-за глубины.

Семнадцать лет назад мы уже видели, что происходит.

Фраза Маркуса Коула не отпускала. В науке подобные слова означали одно из двух: либо человек переоценивает отдельный инцидент и раздувает его до «прецедента», либо существует архив, о котором никто не должен был знать.

Лифт замедлился так плавно, что остановку Нора почувствовала лишь по изменению гула.

Створки раскрылись в тёмный коридор.

Здесь уже не было ничего от обычной станции. Стены – гладкие, графитовые, без швов. Свет – встроенные в потолок холодные полосы. Воздух – почти без запаха, как в лабораториях орбитальных комплексов. Никаких труб на виду, никаких сервисных люков, ни одного случайного звука. Место, построенное не для работы, а для контроля.

В конце коридора стояла ещё одна дверь – матово-чёрная, без ручек.

Женщина из ППБ остановилась.

– Дальше вы одна.

– А если я передумаю?

– Тогда директор Коул поднимется к вам сам. И, поверьте, ему это не понравится.

Створка открылась без звука.

Кабинет Маркуса Коула оказался не кабинетом, а обзорной комнатой.

Первое, что увидела Нора, было стекло.

Точнее, не стекло – прозрачный композитный экран во всю дальнюю стену, за которым простиралось нечто, от чего она непроизвольно остановилась на пороге.

Глубинная полость.

Гигантская цилиндрическая камера, уходящая вниз на сотни метров, возможно больше. Стены были укреплены кольцевыми фермами и светились редкими поясами сервисного освещения. В центре, подвешенный на множестве тросов и полевых стабилизаторов, висел огромный сферический объект – тёмный, блестящий, размером с шестиэтажный дом.

Нора подошла ближе.

Сфера не была цельной. Её поверхность состояла из спёкшихся металлических пластин, словно куски расплавленной коры когда-то спрессовали вместе под чудовищным давлением. По швам пробегали тусклые янтарные разряды. Вокруг объекта медленно вращались измерительные рамы и кольца датчиков.

Это не был реактор.

И не машина.

Это выглядело как орган.

– Красиво, правда? – сказал голос за спиной.

Нора обернулась.

Маркус Коул стоял у длинного стола в глубине комнаты. Высокий, худой, в тёмно-серой форме без знаков различия. На вид ему можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят – тот

возраст, когда усталость уже не старит, а просто становится архитектурой лица. Он держал в руке планшет, но смотрел не на него, а на Нору.

– Что это? – спросила она.

– Фрагмент, – сказал Коул. – Остаток скорлупы.

Нора ничего не сказала.

Коул подошёл к прозрачной стене и встал рядом. Некоторое время они молча смотрели на подвешенную сферу.

– Семнадцать лет назад, – произнёс он, – экспедиция ППБ и Объединённого внутреннего флота работала на орбите Меркурия. Формально – проект глубокого гравиметрического картирования. Неформально – мы проверяли очень старую, очень странную модель, которую один сумасшедший геофизик оставил в малоцитируемом приложении к статье о несогласованности планетарных магнитных инверсий.

– И нашли это, – сказала Нора.

– Не сразу. Сначала нашли полость.

Он вывел на боковой экран схему Меркурия. Разрез планеты, светящийся слоями. Внутренние области были помечены красным.

– У Меркурия слишком большое ядро для его размера. Мы знали это давно. Но считали следствием ранней эволюции, потери мантии, ударной истории системы. Потом получили вот это.

На экране появились томографические срезы. Нора подошла ближе.

И почувствовала, как у неё медленно сводит мышцы шеи.

Внутри ядра Меркурия действительно была полость. Неправильная, многослойная, будто не пустота, а смятая камера, когда-то заполненная чем-то структурированным. Вокруг неё – кольцевые деформации, похожие не на геологический разлом, а на рубец.

– Это невозможно, – сказала Нора, и тут же разозлилась на себя за банальность этой фразы.

– Согласен, – ответил Коул. – Поэтому мы спустили бур.

Следующее изображение показало видеозапись.

Чёрно-белая, с шумом. Узкий тоннель. Оплавленные стенки. Потом – расширение. Камера выходит в полость, луч прожектора дрожит, цепляет поверхность чего-то округлого, слоистого, переломанного.

Тот же материал, что висел сейчас за стеклом.

– Мы подняли три крупных фрагмента и несколько десятков малых, – сказал Коул. – Два разрушились при декомпрессии. Один вы видите здесь.

– Вы хотите сказать, что внутри Меркурия был...

Она не договорила.

Коул закончил за неё:

– Неразвившийся планетарный эмбрион. Да.

Комната осталась тихой. Даже системы вентиляции здесь были почти бесшумны, будто у секрета имелось собственное акустическое поле.

странные статьи из старых архивов, которые всегда выглядели как научные суеверия. Нора смотрела на объект за стеклом, и в голове одна за другой выстраивались вещи, которые раньше казались не связанными: аномальные магнитные симметрии, повторяющиеся паттерны сейсмики, редкие, но упорные совпадения в развитии биосфер, непонятные сбои моделирования мантии, – Почему никто не знает? – спросила она.

Коул посмотрел на неё почти с любопытством.

– Потому что люди плохо реагируют на новости вида «ваш мир может оказаться яйцом».

– Это не ответ.

– Это единственный ответ, который имеет значение.

Он подошёл к столу и развернул перед ней серию документов. На каждом – грифы допуска, кодировки, знакомые только отчасти. Нора увидела годы, подписи, схемы. Некоторые фамилии принадлежали людям, которых она знала по учебникам.

– После Меркурия, – сказал Коул, – был создан закрытый контур исследований. Сначала как межведомственная группа. Потом как Программа планетарной безопасности. За семнадцать лет мы проверили двадцать семь тел в пределах доступности. Девять показали слабые признаки эмбриональных структур. Тринадцать – ноль. Пять – мёртвые или неразвившиеся стадии. Земля...

Он сделал паузу.

– Земля оказалась не в той категории, на которую мы рассчитывали.

Нора медленно подняла на него взгляд.

– Насколько всё плохо?

Маркус Коул долго не отвечал. Будто выбирал, сколько правды можно дать человеку за один раз, не ломая его окончательно.

Потом сказал:

– Скажите мне сами, доктор Келлерман. Именно поэтому вы здесь.

Он жестом пригласил её к главной консоли. Там уже были выведены данные, которых она никогда раньше не видела. Не только из «Тэтчера-9». Глобальные сети, закрытые наблюдения, военные спутники, нейтринные томографы, магнитные архивы за столетия. Целый континент информации.

Нора шагнула к панели и несколько минут просто смотрела.

Потом начала читать.

Полярные поля – демонстрируют признаки обратной связи. Частота глубинных микрособытий – растёт. Магнитные отклики – усложняются. Темпы перестройки внутреннего ядра – выше любых норм для геологической модели. Корреляция с техногенным шумом – статистически ненулевая. Участки аномальной проводимости мантии – расширяются. На последнем экране было то, от чего у неё перехватило дыхание.

Схема, похожая на неврологическую карту.

Только построенную не по мозгу, а по магнитосфере Земли.

– Нет, – сказала Нора.

– Это оценочная модель, – ответил Коул. – Не окончательная.

– Нет.

– Что именно «нет»?

Она ткнула пальцем в светящуюся сеть.

– Если это верно, то это не просто активная геодинамика. Это когнитивная топология.

– Да.

– У вас были эти данные, и вы никому не сказали.

– Мы сказали тем, кто должен был услышать.

Нора резко повернулась к нему.

– Вы сказали военным.

– Я сказал тем, кто умеет действовать в ситуации, когда академическое сообщество начинает спорить о терминологии, пока планета готовится изменить фазу существования.

– Вы не знаете, что именно происходит.

– А вы знаете?

Он не повысил голос. И от этого вопрос ударил сильнее.

Нора смотрела на него, чувствуя знакомое нарастающее раздражение – то, которое с детства возникало у неё рядом с мужчинами, говорившими так, будто спокойствие само по себе делает их правыми.

– Я знаю, – сказала она, – что если вы засекретили это семнадцать лет назад, то все наши модели созревания биосферы, тектоники и магнитной динамики строились на заведомо неполной картине. Я знаю, что вы отрезали от этого лучшие умы планеты. Я знаю, что если бы доступ к данным был открытым...

– То что?

Она замолчала.

Коул подошёл ближе. Не угрожающе. Почти мягко.

– То, доктор Келлерман, у нас было бы семнадцать лет публичной паники, десятки культов, войны за колонии, крах всей экономики и ни одного дополнительного решения. Наука не любит признавать это о себе, но большие коллективы людей не ускоряются от правды. Они распадаются.

Нора отвернулась и снова посмотрела на сферу за стеклом.

– Почему Меркурий умер? – спросила она.

На этот раз Коул ответил не сразу.

– Мы не знаем.

– Версия?

– Несколько. Недостаток массы. Срыв магнитной стабилизации. Воздействие раннего Солнца. Или вмешательство.

Нора повернула голову.

– Вмешательство?

– Не наше. Древнее. Следы в полости неоднозначны.

– И вы говорите об этом так спокойно?

– Я говорю об этом семнадцать лет, – сказал Коул. – Просто не вам.

Он вывел новый файл.

На экране пошёл временной ряд последних двухсот лет земных данных. Вначале линии были почти плоскими. Потом, примерно с середины XX века, один из графиков начал очень медленно ползти вверх. Потом быстрее. Потом скачком.

Нора уже знала, что это.

– Техногенная электромагнитная нагрузка, – сказала она.

– Да.

Следующий график – рост глобальной энергетической инфраструктуры. Потом спутниковые сети. Потом глубинное бурение. Потом изменение атмосферного состава. Потом – совмещённая модель.

Все кривые, одна за другой, начинали влиять на глубинные процессы именно в тот период, когда человечество входило в фазу планетарной цивилизации.

Как будто он стал частью механизма. Как будто их вид не просто жил на поверхности. У Норы пересохло во рту.

– Нет, – повторила она, уже тише. – Нет.

– Вам не нравится вывод? – спросил Коул.

– Вывод мне нравится меньше, чем сам факт, что он возможен.

Он ничего не ответил.

Нора листала дальше, чувствуя, как всё внутри медленно и очень точно раскладывается на новые, пугающие места. Внезапно некоторые вещи переставали быть случайностью.

Почему техносфера так быстро обняла весь шар сетями, токами, связью, бурением, орбитальными оболочками. Почему жизнь так упрямо меняла атмосферу. Почему разум возник именно здесь и именно так. Словно кто-то строил внешний нервный слой.

– Что вы хотите от меня? – спросила она, не отрываясь от экрана.

– Подтверждения.

– Моего?

– Вашего и Джейды Фриман. Независимого.

– Чтобы что?

– Чтобы перейти к фазе сдерживания.

Нора медленно обернулась.

– Какого сдерживания?

Коул встретил её взгляд без колебания.

– Если Земля – активный планетарный эмбрион на поздней стадии созревания, мы должны замедлить процесс до того, как он станет необратимым.

– Замедлить как?

– Магнитная инъекция. Глубинное охлаждение. Разгрузка мантийных напряжений. Подавление глобального резонанса. Проект называется «Криостазис».

Нора смотрела на него несколько секунд, прежде чем смысл сказанного собрался в одно целое.

– Вы хотите заморозить ядро, – произнесла она.

– Не заморозить. Стабилизировать.

– Вы хотите вмешаться в неизвестный процесс внутри, возможно, разумного объекта планетарного масштаба, имея один мёртвый образец на Меркурии и неполную модель Земли.

– Да.

– Это безумие.

– Это управление риском.

– Нет, Маркус. – Она впервые назвала его по имени. – Это вскрытие пациента, пока вы ещё спорите, жив ли он.

Впервые за весь разговор в лице Коула что-то изменилось. Едва заметно. Словно под кожей прошло старое, хорошо спрятанное напряжение.

– А если он жив, доктор Келлерман, – сказал он, – и его рождение убьёт двенадцать миллиардов человек на поверхности?

Нора открыла рот и не сразу нашла ответ.

Потому что это был правильный вопрос. Худший из возможных – и правильный.

Коул, увидев это, кивнул, будто именно к этой точке и вёл её с самого начала.

– Добро пожаловать на уровень С, – тихо сказал он. – Здесь у всех плохие варианты.

Он повернулся к столу и коснулся панели. На экране вспыхнуло ещё одно изображение. Фотография.

Старая, зернистая. Шахтный комплекс. Спасатели. Носилки, накрытые термоодеялом. Лицо Нора узнала сразу, несмотря на возраст снимка и дрожащий фокус.

Её отец.

Рэй Келлерман.

Мир вокруг на секунду стал слишком тихим.

– Откуда это у вас? – спросила она.

Коул не отвёл взгляда.

– Ред-Блафф, сектор 12. Обрушение шахты. Двадцать три года назад. Официальная причина – локальный сейсмический сдвиг в нестабильном кармане. Неофициальная...

Он вывел рядом график. Короткий, узкий всплеск. Паттерн, от которого у Норы мгновенно скрутило желудок.

Он был похож.

Слишком похож.

– Нет, – сказала она шёпотом.

– Мы тогда ещё не знали, что ищем. Но после Меркурия пересмотрели старые архивы. Ваш отец погиб во время одного из ранних эмбриональных импульсов.

Нора не заметила, как схватилась за край стола.

– Зачем вы мне это показываете?

– Потому что вы имеете право знать. И потому что теперь вы понимаете цену ошибки лучше, чем большинство.

– Вы используете его.

– Я использую правду.

Она смотрела на снимок и не могла вдохнуть полной грудью. Всё тело помнило тот день не картинками, а фрагментами: запах пыли на куртке матери, вкус железа во рту, тикание этих самых часов на тумбочке до того дня и полную тишину после.

Ранний эмбриональный импульс.

Не случайный обвал. Не несчастный случай. Не просто порода. Нора медленно выпрямилась.

– Если вы думаете, что это заставит меня подписать вашу программу, – сказала она очень ровно, – вы ошиблись.

– Хорошо, – ответил Коул. – Я не прошу вас подписывать сегодня.

– Тогда зачем?

Он посмотрел на сферу за стеклом, потом снова на неё.

– Потому что сегодня в 04:17 Земля среагировала на собственную магнитную карту так, как не реагирует мёртвый объект. Потому что ваши данные и данные Джейды впервые почти совпали с нашей худшей моделью. Потому что если мы перешли порог нейродинамической организации, то до необратимой фазы у нас может быть меньше времени, чем мы рассчитывали.

– Сколько?

Коул помолчал.

– В лучшем случае – несколько десятилетий. В худшем... – Он коснулся экрана. – Мы пересчитываем.

Несколько десятилетий.

Для планеты – первый вдох перед криком. Для геологии – мгновение. Для цивилизации – паника. Для ребёнка – целая жизнь. Нора снова посмотрела на скорлупу Меркурия.

– Мне нужны полные архивы, – сказала она. – Всё, что у вас есть. Сырым массивом. Без фильтров. Без ваших интерпретаций.

– Вы их получите.

– И Джейда.

– Да.

– И никакого «Криостазиса», пока я не дам вам научную оценку.

Коул чуть склонил голову.

– Нет.

Нора резко повернулась к нему.

– Что значит «нет»?

– Это значит, что подготовительная стадия уже идёт. Мы не можем ждать окончания академического консенсуса.

На этот раз она действительно почувствовала ярость. Чистую, холодную.

– Тогда зачем я здесь?

Коул выдержал её взгляд.

– Потому что я предпочёл бы, чтобы, когда всё это начнётся, в комнате были люди, способные понять, что именно мы делаем с Землёй.

Нора смотрела на него, и в этот момент окончательно поняла две вещи.

Первая: Маркус Коул не был идиотом, фанатиком или карьеристом. Он был хуже. Он был человеком, который действительно верил, что спасает мир.

Вторая: если он уже запустил подготовку, времени оставалось ещё меньше, чем он сказал.

Коул бросил на него быстрый взгляд, и впервые за всё время его лицо стало не просто усталым, а настороженным. На панели рядом вспыхнул новый индикатор. – Что? – спросила Нора.

Он не ответил сразу. Вывел окно на главный экран.

Там была живая лента с орбитального наблюдательного массива. Сначала Нора не поняла, что видит: просто тёмный фон и россыпь меток. Потом одна из меток сместилась, и система автоматически увеличила изображение.

Объект.

Небольшой по космическим меркам, но слишком правильной формы для естественного тела. Он вошёл в плоскость системы под углом, которого не давала ни одна нормальная орбитальная траектория.

Вокруг него не было следа реактивного выхлопа.

Только тонкая, почти невидимая корона возмущённого поля.

– Это наш? – спросила Нора.

– Нет, – сказал Коул.

– Тогда чей?

Маркус Коул смотрел на экран так, будто видел подтверждение старого кошмара.

– Пока не знаем, – ответил он. – Но семнадцать лет назад возле Меркурия мы засекли похожую сигнатуру за двенадцать часов до вскрытия полости.

Комната вдруг показалась Норе слишком маленькой, а прозрачная стена – слишком тонкой.

– Вы сказали, что могли быть следы вмешательства, – тихо произнесла она. – Вы думаете...

– Я думаю, – перебил Коул, – что кто-то ещё может знать, что такое Земля.

На орбитальном экране чужой объект продолжал двигаться к внутренней системе – медленно, уверенно, будто не сомневался, что его здесь ждали.

Глава 3

Когда лифт поднял её обратно к обозначенным уровням станции, Норе понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к обычному свету.

После уровня С всё наверху казалось декорацией к нормальной жизни. Слишком яркие коридоры. Слишком знакомый запах пыли и переработанного воздуха. Слишком человеческий масштаб всего. Люди шли на смену с планшетами и кружками, перебрасывались короткими фразами, кто-то смеялся у автомата с кофе, кто-то ругался на подвисший терминал допуска. Никто не смотрел на неё как-то особенно. Никто не знал, что несколькими сотнями метров ниже висел фрагмент мёртвой скорлупы из Меркурия и что в Солнечную систему, возможно, уже входило нечто чужое.

Нора шла быстро, не замечая никого, пока браслет-глушитель на запястье не щёлкнул и не погас. На внутренней стороне мигнула надпись:

ОГРАНИЧЕНИЕ СНЯТО

Она сорвала устройство и сунула в карман.

Связь сыпанула уведомлениями сразу. Пропущенные вызовы. Три от Джейды. Один от центральной лаборатории. Два от неизвестного внутреннего номера. Сообщение от матери, отправленное ещё ночью:

Не спишь? Мне снился твой отец. Позвони, когда сможешь.

Нора остановилась посреди перехода, увидев строчку от Бетти, и на секунду просто закрыла глаза.

Не сейчас.

Она убрала сообщение в архив, зная, что потом будет ненавидеть себя за это, и почти бегом пересекла стеклянный переход к магнитонейродинамике.

Джейда ждала её у входа, облокотившись о дверную раму. На этот раз без шуток, без кофе, без обычной яркой энергии. Только жёсткое сосредоточение и плохо скрытая тревога.

– Ну? – спросила она.

Нора прошла мимо неё внутрь.

– Нас слушают?

– Всегда, – ответила Джейда и кивнула на потолок. – Но я перевела основные каналы в тестовый режим. Если они пишут, то с задержкой и через мусор.

– Не надолго.

– Мне хватит.

Дверь за ними закрылась. В лаборатории было темнее, чем раньше: Джейда приглушила общий свет, оставив только рабочие экраны и кольцо освещения над центральной консолью. Земля на главном дисплее вращалась медленно и молча, как будто ничего не произошло.

Нора бросила на стол планшет, который ей выдали на уровне С. Чёрный, без маркировок.

– Они знали, – сказала она.

– Насколько «знали»?

– Семнадцать лет. Может, больше. У них есть закрытые архивы. Меркурий. Полость в ядре. Фрагмент скорлупы. Мёртвый эмбрион.

Джейда молчала секунду, будто переводя это из звуков в смысл.

– Что?

– Меркурий был яйцом. Неразвившимся. Они вскрыли его и всё засекретили.

– Нет.

– Да.

– Нет, Нора, я понимаю слова, у меня проблема с тем, что они значат.

– У меня тоже.

Джейда подошла к планшету, словно ожидала, что тот сейчас укусит. Коснулась экрана. Тот не отреагировал.

– Заблокирован под тебя?

– Биометрия и сетчатка, скорее всего.

– То есть они дали тебе игрушку и сказали: «Хочешь правду – сиди рядом с нами»?

– Примерно.

Нора активировала планшет. На экране вспыхнули папки, плотно забитые файлами, схемами, логами, видеозаписями, моделями. Объём был таким, что один взгляд вызывал физическую усталость.

Джейда тихо присвистнула.

– Господи.

– Не трать слово впустую, – сказала Нора. – Возможно, у нас есть кандидат покрупнее.

Джейда посмотрела на неё, пытаясь понять, шутка это или нет. Потом не стала спрашивать.

Они сели по разные стороны консоли, как делали всегда, только теперь между ними лежала не очередная сложная задача, а доказательство того, что весь их научный мир был построен вокруг дыры.

Нора открыла первую папку.

Архив Меркурия начинался не с изображений, а с переписки.

Закрытые служебные меморандумы. Сухие, аккуратные формулировки. «Аномальная внутренняя полость». «Несоответствие классическим моделям формирования». «Необходимость ограничения распространения данных до завершения проверок». Чем дальше они углублялись, тем более нейтральным становился язык – верный признак паники наверху.

На четвёртом файле Джейда вслух прочитала:

– «В случае подтверждения гипотезы биогенного эмбрионального происхождения рекомендуется немедленный переход к режиму экзистенциального протокола». Они реально это так называли? Экзистенциальный протокол?

– Люди в форме любят, когда ужас звучит как папка с инструкциями.

Нора листала дальше.

Первые томограммы Меркурия. Затем отчёт о спуске буровой капсулы. Затем расшифровка бортовой записи.

Она открыла видео.

Изображение было дёрганым, зернистым, но достаточно чётким. Узкая шахта, окружённая оплавленной породой. Луч прожектора бьёт вперёд. Голоса в канале – напряжённые, сдержанные. Один оператор дышит слишком часто.

Потом тоннель расширяется, камера выныривает в полость, и свет скользит по внутренней поверхности чего-то округлого, смятого, слоистого.

Джейда резко втянула воздух.

Даже на записи это выглядело не как минерал.

А как останки процесса, который однажды почти стал жизнью. Не как кристалл. Не как геологическая структура. Поверхность была покрыта тончайшими повторяющимися складками, словно металл когда-то рос, как ткань. Между пластами проходили каналы, удивительно похожие на сосудистую сетку. В одном месте капсула приблизилась настолько, что автоматика выделила состав: ферромагнитные сплавы, силикатные включения, неизвестные упорядоченные домены.

– Это не просто скорлупа, – тихо сказала Джейда. – Смотри на внутренние слои. Там... паттерн.

Нора уже увидела.

Внутри материала шли ритмичные структуры. Неравномерные, но не хаотичные. Как если бы оболочка не только защищала, но и проводила сигнал.

– Нервная ткань, – сказала Джейда.

– Не говори так.

– Почему? Потому что это страшно или потому что это похоже на правду?

Нора не ответила.

На записи оператор вывел дополнительный скан, и над изображением вспыхнула старая, семнадцатилетней давности пометка:

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЭЛЕКТРОПРОВОДЯЩИЙ СЛОЙ С ФУНКЦИЕЙ РАСПРЕДЕЛЁННОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Даже тогда они не решились написать «нервная».

Джейда отвернулась от экрана, прошлась по комнате, снова вернулась.

– Хорошо, – сказала она. – Допустим. Просто допустим. Они нашли мёртвое яйцо. Почему тогда они не опубликовали всё? Паника – да, понятно. Но потом? Через год? Через пять?

Нора листала меморандумы дальше.

– Потому что они быстро перешли от «Меркурий был яйцом» к вопросу «а сколько ещё?».

– И посмотрели на Землю.

– Да.

На экране всплыла ранняя сравнительная таблица. Меркурий. Венера. Земля. Марс. Куча параметров по ядру, мантии, магнитосфере, истории инверсий, биосферной сложности.

Земля выделялась сразу.

и, самое главное, совпадение ритмов между магнитными перестройками и историей крупных биологических переломов. Не по одному признаку, а по совокупности: долгоживущая активная магнитосфера, сложная биосфера, аномальная устойчивость жидкого ядра, редкая комбинация тектоники и химических циклов, Джейда медленно опустилась обратно в кресло.

– Они не боялись, что Меркурий был яйцом, – сказала она. – Они боялись, что Земля – живая версия.

– Да.

– И что мы сидим на её черепе.

– Скорее на скорлупе.

– Спасибо, это очень успокаивает.

Нора открыла папку с пометкой **ЗЕМЛЯ / АКТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА / КРАСНЫЙ УРОВЕНЬ**.

Массив оказался ещё хуже, чем то, что показал Коул у себя.

Здесь были сырые данные.

Сырые – значит без интерпретации, без сглаживания, без бюрократической косметики. Именно такие Нора любила больше всего. Они не пытались тебя успокоить.

Графики прыгали вверх.

Особенно один.

– Вот, – сказала она.

Джейда наклонилась.

– Глобальная интегральная электромагнитная нагрузка техносферы, – прочитала она. – Ну да. Сети, спутники, энергетика, передатчики, всё вместе.

– Смотри не на абсолют. Смотри на фазовый сдвиг.

Джейда увеличила окно. Несколько секунд ничего не говорила.

– Нет.

– Да.

– Реакция ядра идёт не после пика нагрузки. Она идёт после появления связной сетки.
Нора кивнула.

Именно это выбивало землю из-под логики.

Если бы недра реагировали просто на количество энергии, это ещё можно было бы объяснить нагревом, вибрацией, прямым техногенным воздействием. Но модель показывала другое: существенный переход начался тогда, когда человеческая цивилизация не просто стала мощной, а стала связной на масштабе всей планеты.

Когда спутники, интернет, энергосети, навигация, массовая синхронность сигналов обняли шар как единая оболочка.

– Как будто... – начала Джейда.

– Не договаривай.

– Как будто оно ждало, пока поверхность заговорит единым голосом.

Нора прижала пальцы к переносице.

– У нас недостаточно данных для такой формулировки.

– Конечно. Но у нас уже достаточно кошмаров для неё.

Некоторое время обе молчали.

Потом Джейда осторожно спросила:

– Что ещё сказал Коул?

Нора не сразу ответила.

Она открыла было рот, потом снова закрыла. Взгляд скользнул по экрану и не зацепился ни за что.

– Нора.

– Они пересмотрели старые архивы после Меркурия.

– И?

– И нашли ранние паттерны. На Земле. Отдельные всплески, которые тогда никто не понял.

– Насколько ранние?

Нора смотрела в пустоту между экранами.

– Двадцать три года назад в шахте Ред-Блафф был импульс. Такой же формы. Малый. Локальный.

Джейда замерла.

– Нора...

– Да.

– Они считают, что это было связано с твоим отцом?

– Они не считают. Они почти уверены.

В лаборатории стало тихо. Настолько тихо, что Нора услышала собственное дыхание и далёкое, механическое потрескивание системы охлаждения.

Джейда медленно опустила на край стола рядом с ней.

– Мне жаль.

Нора кивнула, не поднимая глаз.

– Не надо.

– Это не «не надо».

– Именно «не надо». Не сейчас.

Джейда молчала.

Потом всё-таки спросила очень тихо:

– Ты веришь Коулу?

Нора сжала челюсть.

– Я верю графику, который он мне показал. И ненавижу себя за это.

Джейда не стала говорить ничего умного. За это Нора была ей благодарна.

Вместо этого Джейда потянулась к своей консоли и вывела другой массив.

– Ладно, – сказала она. – Тогда давай к тому, что мы можем проверить сами.

– Что у тебя?

– Ночной отклик. Я не стала ждать тебя и запустила расширенное преобразование на магнитосферных слоях.

Нора вскинула голову.

– Ты что?

– Не делай это лицо, я не ломала контур. Пока.

– Джейда.

– Нора.

Они посмотрели друг на друга пару секунд, затем Нора обречённо махнула рукой.

– Показывай.

Джейда открыла новую проекцию.

Это был не просто график и не просто звуковая дорожка. Она построила многослойную модель: сейсмический импульс, временная задержка, магнитный ответ, и поверх – вероятностную структуру внутренней корреляции. По сути, попытку понять, есть ли в отклике не только повторяемость, но и внутренняя адресность.

– Я прогнала его через лингвистические модели? – осторожно спросила Нора.

– Только самые грубые. И прежде чем ты начнёшь на меня шипеть: я не ищу язык. Я ищу отличие от случайного шума.

– И?

Джейда нажала воспроизведение.

Сначала пошёл уже знакомый низкий гул. Затем – серия коротких сдвигов, почти как перебои в дыхании. Потом в спектре выделился новый слой, не слышимый ухом, но видимый как повторяющаяся структура. Джейда усилила его.

На экране вспыхнули кластеры.

Но похожие друг на друга. Неравные. Нестабильные. – Видишь? – прошептала Джейда. – Оно не просто отвечает. Оно повторяет форму. Не идеально, но повторяет.

– Что именно?

– Наш тестовый импульс.

Нора уставилась на проекцию.

Вчера ночью, ещё до вызова Коула, Джейда запускала в глубинную систему слабый магнитный шаблон – чисто технический, для калибровки. Несколько простых ритмов. Они были искусственными и легко распознавались.

И сейчас похожая последовательность действительно проступала в ответе. Не копия. Попытка.

Как у младенца, который не понимает слово, но пытается воспроизвести интонацию.

У Норы по спине прошёл холодок.

– Это может быть резонансное эхо, – сказала она слишком быстро.

– Может.

– Отражение от проводящих слоёв.

– Может.

– Случайное совпадение из-за фильтра.

– Тоже может.

– Ты специально говоришь это таким тоном?

– Да, – сказала Джейда. – Потому что если я не буду говорить спокойно, я начну орать.

Нора подошла ближе к экрану.

– Прогони ещё раз.

Джейда прогнала.

Те же кластеры.

– С другим окном.

Снова.

– Убери компенсацию шума.

Снова.

– Теперь сравни с независимым шаблоном.

Джейда подгрузила новый тест. Программа некоторое время пересчитывала вероятности, потом выдала оценку.

СЛУЧАЙНОЕ СООТВЕТСТВИЕ: 0.0031

Нора уставилась на число так, словно от этого зависело, будет ли мир существовать дальше.

– Три тысячных, – тихо сказала Джейда. – И это ещё грубо. Если почистить модель, будет меньше.

Нора смотрела на экран.

– Не чисти.

– Почему?

– Потому что я хочу сначала научиться ненавидеть эту цифру как есть.

Джейда коротко, нервно усмехнулась.

Потом погасила лишние окна и вывела только один слой – тот самый отклик.

– Есть ещё кое-что, – сказала она.

– Мне уже не нравится начало.

– Мне тоже. Я не уверена, что это не ошибка. Но...

Она замолчала, будто подбирая слова, потом переключила канал на запись с собственных биосенсоров.

– Когда пошёл второй отклик ночью, мой пульс и ЭЭГ дёрнулись синхронно с полемым всплеском. Я подумала, артефакт. Но вот третий.

На экране появились графики её состояния.

Нора увидела корреляцию сразу.

– Нет, – сказала она.

– Угу.

– Ты была в интерфейсном кресле?

– Нет. Просто в комнате.

– Сколько метров до активного массива?

– Семь.

– Это невозможно.

– Как и всё за последние двенадцать часов.

Нора приблизила участок сигнала.

Реакция нервной системы Джейды действительно приходилась на момент магнитного отклика – почти без задержки, как будто её мозг отвечал на внешний стимул, который никто из обычных людей даже не почувствовал бы.

– Повтори, – сказала Нора.

– Нечего повторять. Оно уже случилось.

– Нет. Нам нужен новый тест.

Джейда медленно подняла глаза.

– Сейчас?

– Сейчас.

– А если Коул следит?

– Он и так следит. Вопрос в том, получит ли он сырьё раньше нас.

Секунда – и Джейда уже двигалась. В этом Нора всегда её уважала: страх никогда не мешал ей работать.

Они быстро перестроили лабораторию под полузаконный эксперимент.

Центральный магнитный массив перевели в ручной режим. Биосенсоры Джейды подключили напрямую к консоли. Нора заблокировала внешний лог насколько умела, оставив системе официальную метку «калибровка шума». Если в ППБ сидел не идиот, этого хватило бы минут на пять.

– Готова? – спросила Нора.

Джейда села в интерфейсное кресло, закрепила датчики на висках и запястьях.

– Нет, – сказала она. – Но давай.

Нора загрузила короткий шаблон. Самый простой из возможных: три импульса, пауза, два, пауза, один. Не язык. Не код. Просто неестественный ритм.

– Отправляю.

Импульс ушёл в глубинные контуры.

В лаборатории стало тихо.

Они ждали.

Нора смотрела сразу на три экрана: время, магнитный канал, биосигналы Джейды.

Шесть. Четыре секунды. Пять. На девятой с половиной секунде магнитный слой дрогнул.

У Норы пересохло во рту.

На десятой – вспыхнул слабый отклик. Неровный. Дрожащий. Потом второй. Сбивчивый. Потом длинная пауза.

И затем —

один. три коротких выброса, пауза, два, пауза, Почти.

Не идеально. С искажением. С лишним хвостом в конце.

Но почти.

Биосенсоры Джейды подскочили одновременно.

Она всхлипнула и резко схватилась за подлокотники кресла.

– Джейда!

– Я в порядке, – выдохнула она. – Я... подожди.

Её пульс зашкаливал, но лицо было не мучительным, а потрясённым – как у человека, который услышал что-то невозможное и ещё не решил, бежать или плакать.

– Что? – спросила Нора.

Джейда открыла глаза. Очень медленно.

– Оно не просто повторило, – прошептала она.

– Что ты имеешь в виду?

– Там был ещё один импульс. До повторения. Слабый. Как будто...

Она сглотнула.

– Как будто оно сначала коснулось меня.

Нора смотрела на неё, и впервые за всё утро ей захотелось выключить всё оборудование, вызвать медиков, заблокировать комнату и сделать вид, что этого не было.

Вместо этого она сказала:

– Опиши точно.

– Не словами.

– Всё равно.

Джейда закрыла глаза, пытаясь восстановить ощущение.

– Тепло, – сказала она. – Нет... не тепло. Давление. Очень мягкое. Как если бы что-то огромное заметило, что ты есть. Не мысль. Не голос. Просто факт внимания.

Нора молчала.

На консоли всё ещё мерцал отклик: кривой, неточный, но узнаваемый.

Один. Три. Два. Ответ.

В лаборатории завывла тревога.

Обе вздрогнули.

На потолке загорелась жёлтая полоса служебного оповещения. Экран у двери вспыхнул системным сообщением:

ВСЕМ СОТРУДНИКАМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТАХ НЕАВТОРИЗОВАННЫЙ ДОСТУП К ВНУТРЕННИМ АРХИВАМ СЕТЕВАЯ УТЕЧКА / УРОВЕНЬ 3 Джейда выругалась.

Нора уже бежала к основному терминалу.

Окна на планшете Коула одно за другим закрывались сами – удалённая блокировка. Но было поздно. Один из файлов, видимо, успел выйти во внутреннюю сеть станции. А может, кто-то выпустил его намеренно.

ЭМБРИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЗЕМЛИ На общем канале посыпались срочные метки: **МЕРКУРИЙ СКРЫТЫЕ АРХИВЫ ППБ** – Это не мы, – сказала Джейда, поднимаясь из кресла.

– Конечно не мы.

– Думаешь, Коул?

– Нет. Если бы Коул хотел слить, он бы не делал это так грязно.

Нора открыла карту сетевого распространения.

Утечка шла наружу веером: сначала по локальным научным каналам, потом в персональные терминалы, потом уже в надземные узлы. Через две минуты её подхватят новостники. Через пять – все.

Джейда смотрела через её плечо.

– Кто-то только что разнёс миру весть, что Земля может быть яйцом.

– Да.

– Очень неудачное утро для этого.

Нора не ответила.

На одном из экранов уже вспыхнули первые внешние заголовки. Крупные, жадные, тупые в своей мгновенной уверенности:

УТЕЧКА: ПРАВИТЕЛЬСТВА СКРЫВАЛИ, ЧТО ЗЕМЛЯ МОЖЕТ БЫТЬ ЖИВОЙ МЕРКУРИЙ БЫЛ «НЕРОЖДЁННОЙ ПЛАНЕТОЙ»?

ТАЙНЫЙ ПРОЕКТ ППБ: ГОТОВИЛОСЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЯДРО ЗЕМЛИ

Где-то наверху, на поверхности, миллионы экранов начинали включаться одновременно.

Джейда медленно опустилась на край стола.

– Всё, – сказала она. – После этого обратно уже не засунуть.

Нора смотрела на стремительно расползающуюся сеть утечки. На кривой отклик, всё ещё застывший на соседнем мониторе. На биосигналы Джейды. На мир, который только что перешёл границу между странной гипотезой и общечеловеческим кошмаром.

– Нет, – сказала она. – Уже нет.

Её браслет связи завибрировал так резко, что она вздрогнула.

МАРКУС КОУЛ

Ещё один вызов шёл параллельно.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВНЕШНИЙ КАНАЛ

Джейда заметила и выругалась уже шёпотом.

– Кто это теперь?

Нора приняла сначала вызов Коула.

Его лицо появилось сразу. Спокойствие на месте, но теперь за ним было видно движение – кто-то входил и выходил из его комнаты, на дальнем фоне горели дополнительные экраны.

– Доктор Келлерман, – сказал он. – Не отключайтесь и внимательно слушайте. У нас две проблемы.

– Я уже вижу первую.

– Вторая хуже. Объект на входе в систему изменил траекторию.

Нора почувствовала, как холод снова поднимается по позвоночнику.

– Куда он идёт?

Коул выдержал паузу ровно настолько, чтобы ответ прозвучал окончательно.

– К Земле.

Связь оборвалась раньше, чем она успела что-то сказать.

Оставался второй вызов. Неизвестный внешний канал.

Нора с Джейдой переглянулись.

– Не открывай, – сказала Джейда.

Нора открыла.

Сначала экран был чёрным. Потом на нём появилась не человеческая фигура и не привычный интерфейс. Только геометрия света – тонкие вертикальные линии, собранные в колонну мерцающих полей. Как если бы кто-то попытался передать присутствие, не имея для этого тела.

Когда голос прозвучал, он был синтезирован, но за ним чувствовалось нечто слишком точное для машинного перевода.

– Поверхностные разумы Земли, – сказал голос. – Не предпринимайте действий, ведущих к травматическому сдерживанию эмбриона.

Нора замерла.

Джейда медленно встала.

– Кто вы? – спросила Нора.

Секунда тишины.

Потом:

– Мы – Хранители кладок. Мы прибыли из-за пробуждения вашей планеты. Время ваших внутренних споров почти истекло.

Изображение дрогнуло, словно канал проходил через среды, для которых не был создан.

– Если вы продолжите, – сказал голос, – ваш мир родится в боли.

Экран погас.

В лаборатории стало так тихо, что Нора услышала, как где-то в стене щёлкнул расширяющийся от температуры металл.

Джейда первой нарушила тишину.

– Ну, – сказала она очень спокойно. – Похоже, день стал ещё хуже.

Нора смотрела на тёмный экран и думала, что несколько часов назад её жизнь состояла из графиков, сомнений и недосыпа.

а кто-то, называющий себя Хранителями кладок, только что обратился к ним так, будто человечество – микрофлора на чужой скорлупе. Теперь же: мир узнал правду, чужой объект шёл к Земле, И при всём этом самым страшным оставалось даже не это.

Самым страшным был кривой, несовершенный, почти детский ответ на экране рядом.

Один. Три. Два. Как будто Земля внизу уже пыталась заговорить первой.

Глава 4

К полудню станция перестала быть научным объектом и превратилась в осаждённый нерв.

Это чувствовалось даже без экранов.

Коридоры «Тэтчера-9» были слишком шумными. Люди говорили громче обычного, но вполголоса, как всегда бывает во время коллективного испуга: все понимают, что происходит нечто огромное, и поэтому цепляются за бытовую интонацию, будто именно она удержит мир от распада. На пересечениях стояли группы по трое-пятеро, не работали, а обменивались отрывками новостей. Кто-то ругался. Кто-то смеялся слишком резко. У двух техников Нора увидела в руках распечатки – бумажные, будто информация на экране была слишком текучей и им требовалось что-то, что можно физически держать.

Почти везде, где были общие панели, теперь горели новостные ленты.

ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТ ПОДЛИННОСТЬ УТЕЧКИ На одном экране – срочное включение из Нью-Йорка: МИЛЛИОНЫ ЗРИТЕЛЕЙ СЛЕДЯТ ЗА РАЗБОРОМ «ЭМБРИОНАЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ» На другом – уже из Джакарты: АКЦИИ ЭВАКУАЦИОННЫХ КОНСОРЦИУМОВ ВЫРОСЛИ НА 300% На третьем – с орбитальной станции: Почти под каждым заголовком шли лица – комментаторы, священники, геофизики, бывшие военные, профессиональные паникёры. Мир делал то, что всегда делает в первые часы после катастрофической новости: производил больше слов, чем смысла.

Нора и Джейда стояли у закрытой двери лаборатории, пока система медленно перезапускала внутренний доступ после аварийного протокола.

– Если кто-нибудь ещё сегодня скажет «возможно, это просто мистификация», я укушу его, – сказала Джейда.

Нора почти не слышала.

После сообщения Хранителей кладок внутри неё будто выровнялся особый холодный контур. Всё стало чётче, жёстче. Страх никуда не делся, но отступил на полшага, уступив место рабочему состоянию, которое включалось у неё только в двух случаях: во время аварий и во время настоящих открытий.

Сейчас были оба случая сразу.

– Нам нужно сохранить копии, – сказала она.

– Уже.

– Где?

– В трёх местах. Один сегмент в станции, один на моей личной капсуле, один...

Джейда замолчала.

– Один где?

– У внешнего журналиста.

Нора медленно повернула голову.

– У кого?

– Не у «кого», а у «какой». Рэйчел Вонг. Я говорила с ней дважды раньше, не смотри так. Она единственная за последние полгода задавала вопросы, как человек, а не как выпускной курс истериков.

– Ты дала журналистке канал?

– Резервный. На случай, если нас просто выключат.

– Джейда...

– Не начинай. После сегодняшнего ты сама должна понимать, что я была права.

Нора не ответила, потому что, к сожалению, Джейда действительно была права.

Дверь лаборатории наконец разошлась.

Внутри уже ждали.

Не люди ППБ. Не военные. Просто трое из центральной администрации станции, с тем особым выражением лиц, которое появляется у управленцев, когда их привычный масштаб власти внезапно становится смешным.

Главный администратор, Хорхе Аренас, выступил вперёд.

– Доктор Келлерман. Доктор Фриман. По распоряжению объединённого координационного совета станция переходит в режим частичной изоляции. Все исследовательские группы обязаны передать внешние каналы связи под централизованный контроль.

– Нет, – сказала Нора.

Он моргнул.

– Простите?

– Нет.

– Это не предложение.

– А это не согласие.

Аренас шумно выдохнул, уже не скрывая раздражения.

– Доктор Келлерман, вы не в том положении, чтобы...

– Наоборот. Я как раз в том положении, когда у вас нет ни одной причины забирать у меня данные, кроме тех, что ухудшат ситуацию.

Джейда, стоявшая рядом, тихо добавила:

– Она так всегда разговаривает, не принимайте на свой счёт.

Аренас проигнорировал её.

– Через двадцать минут будет общее обращение Терранского Союза. До этого момента любые частные комментарии запрещены.

– Прекрасно, – сказала Нора. – Вот и занимайтесь комментариями. Мы будем заниматься планетой.

Она попыталась пройти внутрь, но один из сотрудников администрации встал на полшага так, что блокировал проход.

Маленький жест. Достаточный.

Нора посмотрела на него, потом на Аренаса.

– Это плохая идея.

– Это протокол.

– Хорхе, – сказала Джейда неожиданно мягко, – ты сейчас действительно хочешь прославиться как человек, который остановил магнитонейродинамическую группу в тот день, когда, возможно, вся человеческая цивилизация узнала, что живёт на эмбрионе?

Аренас колебался. Совсем немного, но Нора это увидела.

И в этот момент у всех на браслетах связи одновременно сработало экстренное оповещение.

Красный приоритет.

Экран коридора мигнул и перешёл на официальный герб Терранского Союза.

ЭКСТРЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ 00:30

Аренас выругался сквозь зубы. Люди вокруг инстинктивно подняли запястья к глазам. Коридор за их спинами уже заполнялся сотрудниками станции, которые забыли о своей работе и тянулись к ближайшему экрану, как растения к свету.

Нора воспользовалась секундой, отодвинула плечом того, кто загородил проход, и вошла в лабораторию.

– Эй! – крикнул Аренас.

– Увидимся после конца света, – бросила через плечо Джейда и проскользнула следом.

Дверь закрылась, отрезав их от административной паники.

Внутри Нора сразу включила все основные экраны. Если мир собирался говорить, она хотела видеть не только официальное лицо, но и весь фон шума вокруг него.

За тридцать секунд до начала каждый дисплей уже был заполнен картинками.

Марс: купольный город, где экстренное сообщение идёт с секундной задержкой и выглядит почти призрачно. Нью-Йорк: толпа у здания Союза. Лагос: рынок, над которым на тканевом экране идёт экстренный эфир. Шанхай: люди стоят на платформах маглева, уставившись в общественные панели. Орбитальная станция «Галилей»: инженеры смотрят трансляцию прямо в скафандрах, не выходя из шлюзового отсека. Тридцать секунд – и вся планета, вся околоземная сеть, вся ближняя человеческая система зависла в одной и той же паузе.

Потом герб погас.

Появился президент Грант Шоуолтер.

Нора видела его раньше десятки раз – на форумах, в переговорах, на объявлениях о бюджетах и кризисах. Всегда собранный, чуть сухой, политически гладкий. Сейчас он выглядел так, словно не спал двое суток и за последние два часа постарел на несколько лет.

Это было хорошим знаком.

Люди иногда больше доверяют усталости, чем уверенности.

– Граждане Земли, Луны, орбитальных станций и внешних колоний, – начал Шоуолтер. – Сегодня утром в открытую сеть попали материалы, относящиеся к ранее засекреченным исследованиям внутренней структуры планет земного типа.

Нора услышала, как Джейда рядом фыркнула.

– Какой красивый способ не сказать «мы ввали вам семнадцать лет».

Шоуолтер продолжал:

– Я не буду оскорблять вас тем, что назову эти материалы полной подделкой. Часть из них подлинна.

Коридоры за дверью лаборатории словно стали тише, хотя это было невозможно. Мир слушал.

– Да, – сказал президент, – в течение ряда лет существовала закрытая межведомственная программа по изучению аномальных геодинамических и магнитных процессов в Солнечной системе. Да, часть выводов этой программы ставила вопрос о новой интерпретации происхождения некоторых планетарных тел. Да, среди рассматриваемых моделей присутствовала так называемая эмбриональная гипотеза.

Он сделал паузу, и Нора почти уважала его за то, что он не попытался смягчить звучание термина.

– На данный момент, – продолжил Шоуолтер, – не существует окончательного научного консенсуса по вопросу о том, является ли Земля активным планетарным организмом в биологическом смысле этого слова.

– Ага, – сказала Джейда. – Просто она повторяет наши сигналы из ядра для развлечения.

Но Нора уже знала, зачем он так говорит. Политик не может начать с полной правды, когда полпланеты ещё в шоке. Ему нужно дать обществу хоть какую-то лестницу между прежним миром и новым.

Вопрос был в том, насколько длинной будет эта лестница и не обрушится ли она в процессе.

– Однако, – сказал Шоуолтер, – существует достаточно оснований полагать, что внутри Земли происходят процессы, не описываемые полностью классической геофизикой.

СОЮЗ ЧАСТИЧНО ПОДТВЕРЖДАЕТ ЭМБРИОНАЛЬНУЮ ГИПОТЕЗУ На другом экране пошла бегущая строка: Вот теперь, подумала Нора, начнётся.

Президент продолжил:

– Я также обязан подтвердить, что в рамках программы планетарной безопасности рассматривались варианты технологического вмешательства в глубинные процессы Земли. Ни одно решение о реализации таких мер в настоящий момент не принято.

– Ложь, – сказала Нора.

Джейда повернула голову.

– Что?

– Коул уже запустил подготовительный контур. Это значит, решение в операционном смысле принято. Возможно, без политического финала, но принято.

Шоултер на экране будто услышал её и чуть заметно сбился.

– Мы не будем предпринимать действий, способных необратимо повлиять на Землю, без независимой научной оценки и без максимально возможной открытости, совместимой с общественной безопасностью.

– Это ещё не худшее выступление в истории, – признала Джейда.

Потом лицо Шоултера изменилось. Совсем немного. И Нора поняла, что сейчас он скажет то, чего не было в заготовленных тезисах.

– Есть ещё один факт, – сказал президент. – Несколько часов назад в ближней внутренней системе был зарегистрирован неопознанный объект искусственного происхождения, движущийся по траектории, не соответствующей известным человеческим аппаратам.

Джейда тихо сказала:

– Вот дерьмо.

На экранах по всему миру вспыхнули новые строки. Комментаторы начали говорить одновременно, перекрывая друг друга. Где-то внизу коридора кто-то громко вскрикнул.

Шоултер поднял руку, будто мог остановить волной ладони половину планетарной паники.

– Мы не располагаем подтверждёнными данными о происхождении этого объекта. Мы призываем всех граждан сохранять спокойствие и не распространять непроверенные сведения.

Нора почти невольно улыбнулась. Слово «спокойствие» после такого было уже не политикой, а молитвой.

Шоултер опустил глаза на стол, потом снова поднял. И вот тут произошло то, что, возможно, спасло его больше, чем любые тщательно выверенные формулировки.

Он сказал:

– Я не собираюсь делать вид, что у нас есть готовые ответы. Их нет. У нас есть факты, есть страх, есть ответственность и есть очень мало времени, чтобы разобраться, что именно просыпается под нашими ногами и с чем мы сталкиваемся в космосе.

В лаборатории повисла тишина.

Даже Джейда не нашлась сразу, что съязвить.

– Это было почти честно, – сказала она наконец.

– Поэтому и сработает, – ответила Нора.

Шоултер закончил обращение обещанием создать открытый международный научный совет и опубликовать часть архивов в течение ближайших суток. Как только трансляция оборвалась, мир взорвался.

Все экраны одновременно ушли в многоголосицу.

Кадры из разных городов, где люди просто стояли на улицах и смотрели в землю. Крики у зданий правительств. Эксперты, перебивающие друг друга. Фондовые ленты, рвущиеся вниз и вверх. Религиозные лидеры, уже называющие происходящее то судом, то рождением, то обманом дьявола. Марсианские комментаторы, злорадно и испуганно обсуждающие, не стоит ли закрыть орбитальные коридоры для массового потока беженцев. Лунные диспетчеры, сообщающие о перегрузке каналов эвакуационного бронирования. Нора убавила громкость почти до нуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.